

Никогда не думала, что буду скучать по солнечному свету. Нет, серьезно, раньше я многое дала бы за чашку кофе, сигарету, плеер с музыкой, а сейчас буду рада простому лучу солнца. Странно осознавать тот факт, что впала в уныние из-за невозможности взглянуть на звезду, сверкающую в небе. Сколько я уже тут? Не помню. Здесь нет времени, тьма окутывает бесконечными минутами боли. Даже если прошло всего несколько дней, для меня они давно превратились в вечность. Тяжелые оковы успели стереть лодыжки в кровь. Но боль в ногах ничто по сравнению с той, другой болью. Или другой боли нет? Есть одна сплошная, ломающая кости и рвущая связки? Не понимаю.

Наверное, надо сменить позу, иначе мышцы затекут. Не помню, почему затекшие мышцы — это плохо, но все же поднялась с ватного матраца, лежащего на бетонном полу. Подтянула к груди ноги и на согнутые колени положила тяжелую голову, мои распущенные волосы рассыпались, укутав меня словно одеялом. Они, наверное, грязные, я ведь давно не была в душе. Металлическая цепь привычно лязгнула во тьме. В моей камере было темно, сюда не проведено электричество, зато сухо и тепло. Ну да, он же заботится обо мне.

Я любила такие моменты. Время затишья, когда боль отступает. Когда мне не надо ломать себя, когда я не слышу треска собственных костей, когда не слышу, как лопаются натянутые до предела жилы. Первое время я кричала, умоляла помочь, сама не понимая, кто и как должен был это сделать. Наверное, пристрелить меня, чтоб не мучилась. Но потом я сорвала голос и кричать перестала. Он говорит, что ему больно видеть меня такой. Поэтому он не приходит ко мне? Я просила перестать, он же любит меня, и я его люблю, почему

тогда он позволяет мне страдать? Так плохо и страшно здесь одной. Но он уходил. Всегда. Каждый раз обещая, что скоро все закончится. Все они обещают.

В последнее время все чаще приходит мысль о конце. Хочется уснуть и больше не просыпаться. Перестать существовать.

А ведь меня предупреждали.

Поначалу я злилась, потом стало страшно. Мне до сих пор страшно, когда это начинается. Он никого не пускает ко мне, говорит — это опасно. А я и рада, потому что сама прихожу в ужас от того, в кого превращаюсь. С одной стороны, монстр, с другой — малосильное существо, готовое унижаться, лишь бы перестали истязать слабое тело. А ведь раньше я и подумать не могла, что паду так низко. Что осталось от той гордой и сильной девочки? Как в свои двадцать три я докатилась до жизни такой? Пожалуй, пока меня вновь не скрутил приступ, я расскажу вам сказку. Страшную сказку о том, как злые волки выявили суицидальные наклонности у глупой Красной Шапочки.

Как же приятно вырваться наконец из городской духоты, вдохнуть полной грудью чистейший воздух сибирской тайги и просто расслабиться на девственном лоне первозданной природы. Вам, наверное, интересно, что я делаю на этом самом девственном лоне? Так отдыхаю в который уже раз. Есть у меня странность — очень сильно люблю природу, особенно лес. И откровенно терпеть не могу большие скопления людей. По этой причине дядя, по совместительству являющийся моим опекуном, каждое лето отправляет меня не на Средиземное море, как принято в наших кругах, а в глубокую сибирскую тайгу. В этой глуши не то что дорог нормальных нет, здесь и связи никогда не водилось, что, кстати, является пунктом «за». Вдобавок ко всему местное население радуется своим малым количеством на один квадратный метр. Пункт «против» только один: сюда действительно трудно добраться.

— Руся, детка, ты чего без панамки? Обгоришь ведь, — вышла на крыльцо баба Клава.

Баба Клава — выдающаяся во всех отношениях женщина

преклонных лет, у которой на протяжении пятнадцати лет останавливаюсь на лето. Точно не помню, кем она приходится дяде, но я к ней отношусь как к родной. Пожалуй, она одна из тех немногих избранных, рядом с которыми я чувствую себя комфортно и спокойно.

— Баб Клава, так я ненадолго, прогуляюсь в поселок и сразу домой! — задорно крикнула, отворив калитку.

Дело в том, что избашка бабы Клавы находится на отшибе маленькой таежной деревеньки. Местные жители промышляют охотой, рыбалкой и лесом. До районного центра далеко, шоссе или железная дорога также не близко, чужих здесь и вовсе нет.

В деревне мне нужно зайти в единственный на весь поселок магазин, потом вернуться домой переодеться, и можно будет отправляться в лес на прогулку. В предвкушении долгожданного уединения я сделала музыку в наушниках громче и глубоко вдохнула чистый воздух.

Знала бы, чем для меня обернется та прогулка, осталась бы дома, заперев одну-единственную дверь на замок, и ставни на окнах гвоздями забила. Да что там, первым же автобусом к дяде!

— Здравствуйте, — вхожу в прохладное помещение местного магазинчика.

Возле прилавка сегодня собралось довольно много народа и все сплошь женский пол. Подобное скопление людей откровенно нервировало. Показывать собственное напряжение толпе нельзя, так что рефлекторно расправляю плечи, выпрямив спину.

— Здравствуйте-здрасте, — закивали почтенные матроны.

Перспектива отстоять в очереди не радовала, но пришлось смириться с неудобным фактом и засунуть свое недовольство на пару с гонором куда подальше. Потерплю, ничего страшнее допроса с пристрастием со мной не случится.

— А ты чайная будешь? — вдруг обратилась ко мне одна из матрон.

Началось. Я подавила тяжкий вздох и натянула на лицо дежурную улыбку. Моя улыбка на людей действует невероятно расслабляюще.

— Я к бабе Клаве на лето приехала, — отвечаю максимально доброжелательно.

Нельзя злиться на людей за то, какие они есть... за то, что они вообще есть, тоже злиться не стоит.

— Внучка, что ли? — спрашивала все та же матрона.

— Валька, да ты чего? Нет у Клавки внуков, одна она, — заявила другая женщина.

И ведь они прекрасно знают, кто я, потому как деревня настолько маленькая, что каждый ее житель помнит своих односельчан по имени и дате рождения.

— Так это ж Руська, она каждый год к Клавке приезжает. Двоюродная она, — послышался еще один голос из толпы.

В этот момент от прилавка наконец отошла дородная женщина, давая возможность пройти следующей.

— Ишь какое имя нерусское, — нашла к чему придраться первая говорившая.

Я решила промолчать, хотя так и тянуло послать куда подальше беспардонных бабиц. Лишь улыбка переросла в оскал.

— Так к Нинке тоже кто-то приехал. Да на машине такой крутой заграничной, как только не побоялся по нашим-то дорогам? — Разговор с моей персоны перешел на светлый образ неизвестного мне человека, за что ему спасибо.

— А ты видала ту машину? На таких только богатые и ездят, я по телевизору видела. Чай, если у него денег куры не клюют, чего бы ему о машине беспокоиться, — слышу ворчливое заявление справа.

Странная у нас все-таки страна, связи телефонной нет, зато телевизоры исправно работают.

— Может, бандит какой. Кто еще на таких машинах разъезжать будет? — всплыло предположение.

Ну конечно, по разумению простого населения, у нас что ни обеспеченный, сразу вор и бандит. Интересно, а в чем разница?

— Да чего ты мелешь, старая, какой бандит-то? Вдруг бизнесмен какой? — внес кто-то из женщин нотку рациональности.

— Я тебе говорю, точно бандит. Ирка моя его как увидела, сначала, говорит, он ей красавцем показался, высокий, плечи широкие, а как в лицо заглянула, так чуть не померла со страху. Шрам у него через всю щеку. У нормального мужика шрамов на роже не будет, — не унималась очередная тетка.

Видела я ту «Ирку», это еще посмотреть надо, кто страшнее. Что-то мне подсказывает, что именно незабвенная Ирина, она же дочь выдавшей новую информацию тетки, в итоге окажется причиной испуга неведомого гостя.

— У твоего Ваньки тоже шрам на всю рожу, — возразила одна из теток.

— Мой Ванька этот шрам получил, когда на медведя ходил. А откуда у городского такое, поди разбери, — не унималась любительница сериалов про «ментов».

— Гошка мой говорил, Ванька волка поймал?

— Поймал, да решил его с сучкой нашей вязать. — Ленивое раздражение. — Как раз сейчас с мужиками у старого дуба сбор устроил. Бутыль первача умыкнул, паразит такой.

Старый дуб — местная достопримечательность, стоящая на окраине деревни, мощное дерево с двумя раскидистыми стволами. Он символизирует собой конец цивилизации и начало диких лесов. Потому как буквально в пяти метрах от него, сразу за неглубоким оврагом начинается тайга.

В этот момент я умудрилась добраться до продавщицы в обход очереди. Женщины были настолько увлечены разговором, что не обратили на меня никакого внимания.

Выходя из магазина, чувствовала себя настоящим героем, выдержать продолжительное время рядом с закоренелыми любительницами сплетен, да за такое надо медаль давать. Или молоко за вредность. Идя домой, я размышляла о прибывшем незнакомце. В столь отдаленном населенном пункте, где жителей можно по пальцам перечесть, новые лица становятся событием, которое будут обсуждать еще несколько месяцев. Ведь в это богом забытое место обычно ездят только родственники. Меня в расчет не берем, потому как случай отдельный.

Вскоре я забыла про неизвестного мне мужика и вспомнила о другой теме дня. Всеобщее собрание народа и пойманный волк. А ведь самый короткий путь к дому бабы Клавды лежал именно мимо старого дуба.

Честно признаюсь, я пыталась привести веские аргументы против подобного сокращения дороги. Но тут же отметала их все, упрямо шагая к примечательному месту. Заодно взгляну на дикого зверя.

Я сама сделала выбор, никто не толкал меня под руку, но и

предупредить было некому. Интересно, если бы я пошла по длинной дорожке, изменилось бы мое будущее? Что-то неудержимо тянуло меня к злосчастному дереву. Я не была любопытной, с интуицией тоже не дружила, но в этот раз ноги сами несли бедовую хозяйку к цели.

Ярко светило солнце, разогревая воздух, накаляя дорожную пыль, принося радость окружающей природе. То тут, то там мелькали куры, напоминая о пропущенном завтраке.

Толпу мужиков увидела издали. Раз десять напомнила себе, что не любительница большого скопления людей, но упорно продолжала шагать. Я слышала, что иногда домашних собак скрещивали с дикими волками, дабы получить злую мощную полукровку, которую в будущем называли хорошим волкодавом. Дикость, ставшая обыденностью в этих краях. Пережитки прошлого неискоренимы в подобных глухих уголках. Чем ближе я подходила к толпе, тем отчетливее слышала выкрики и гогот мужиков. По спине пробежался табун мурашек, здравый смысл задавал логичный вопрос: на фиг я туда иду?

— Да что ты жмешься? — выкрик. — Смотри, какая красавица! Найда, а ты чего скромничаешь? Быстро задницу подставила, а то получишь поперек хребта!

Я тихо и незаметно подошла к месту событий. Надо же, здесь и дети есть. А потом мой взгляд упал на животных. И я пропала. Даже сейчас не жалею о своих дальнейших действиях.

Сучка была не из породистых, средних размеров, испуганно таранилась на людей и жалобно скулила. Рядом с ней словно юла вертелся мощный серый красавец. Тем, кто не видел волка вживую, не объяснить испытанных мною чувств. И не надо мне говорить про зверинцы с зоопарками. Вскормленные на человеческих харчах заморыши, сломленные духом животные и рядом не стояли с этим образчиком дикой мощи, грации и красоты. Он не скулил, хоть и был напуган не меньше. Его низкий рык, ощеренная пасть, глаза загнанного в угол, но еще не сдавшегося зверя, прижатые к голове уши, мощная грудная клетка, сильные лапы, на которых он припадал к земле, все это предупреждало об угрозе. Но людская свора, вооруженная вилами и ружьем, с гиканьем и диким смехом, этой угрозы не чувствовала. А ведь мужики не

совсем трезвые, похоже, упомянутый ранее первач уже канул в недра мужских организмов. Нехорошо.

— А ну занялся делом, — ткнули в волка вилами.

Дикость какая! Он же не может защититься, он привязан к старому дереву крепкой веревкой, которая только и позволяет, что до сучки дотянуться. Еще ведь и лапа ранена. Лично я в подобном состоянии, да при стольких свидетелях, ни о каком размножении думать не смогла бы.

Волк отпрыгнул, и в этот момент я поймала его взгляд. Меня словно под дых ударили, столько там было обреченности и злобы. Ты тоже пойман, так же обречен, и ты понимаешь, что это конец. Желтые глаза не скрывают твоей гордой сущности. Тебя унижают, угрожают и хотят сломать, но даже сейчас ты будешь драться до последнего. И сучку ты не тронешь, люди не видят, но я заметила, как ты не подпускаешь к ней прямоходящих зверей. Мне, выросшей рядом с ними, не понять твоего благородства, для меня ты глуп, ведь попал к ним в руки, но почему ее жалеешь? На щеках я почувствовала влагу. Да, я тебя понимаю. Ты скован людьми, потому что ты не человек. Я скована обществом, потому что отличаюсь от них.

Неужели приступ? Забыла упомянуть, я страдаю легкой формой аутизма. Ничего серьезного, если забыть о нестабильности эмоционального фона, я словно прыгаю с места в карьер, могу подолгу стоять на месте и рассматривать заинтересовавшую меня вещь. У меня нет истерических припадков, если что-то не нравится. Аутизм почти не мешает мне жить. От него даже плюсы есть — обостренное зрение, слух, обоняние. Впрочем, последнее плюсом назвать нельзя, в наших-то городах.

Вновь я выпала из реальности. Но это не приступ, скорее пограничное состояние, если успокоиться, то приступа можно будет избежать. И не сказать, что ухожу в себя, наоборот, я все слышу, все вижу, все понимаю. Словно впитываю в себя информацию из окружающей среды, и пока не впитаю достаточно, обратно не вернусь. В свое время я натерпелась от рода человеческого, это превратило меня в черствого человека с налетом цинизма. Что, естественно, не прибавляло мне любви к окружающему миру.

А толпа все веселилась. И пойти бы мне своей дорогой, не

оглядываясь на человеческое стадо и его жертву, но, вопреки приказам, тело мозгу не подчинялось.

— Прекратите! — крикнул кто-то.

И только спустя мгновение поняла, что голос подала я. Ой-ей.

Как ни странно, народ умолк. Наверное, это и называют неловким молчанием.

— Ты вообще кто такая? — всплыл резонный вопрос.

По-вашему, о чем я думала в этот момент? В книжках пишут о несправедливости бытия, о злобе и беспощадности рода человеческого, о благородном восприятии главных героев. А я вот думала, как бы по морде не получить. По наглой, крашеной морде.

— Отпустите волка, — прежде чем осознала, что несу, громко ляпнула я.

И нет чтобы просто высказаться, я еще и вперед выбежала.

«Где мой мозг?!» — только и успела подумать я. Судя по всему, этим вопросом задались и мужики. Не то чтобы я была ярым борцом за права животных, но сейчас... что это сейчас вообще было?!

— Слышь, малая, шла бы ты отсюда, — посоветовали мне.

— Кто вообще бабу пустил?! — начали возмущаться мужики.

— Отпустите волка, — более твердо повторила я, пятясь спиной в сторону животного, наблюдая за толпой.

— Э, девушка, не подходила бы ты к нему, смотри, щерится, а ну как покалечит? — обратился ко мне немолодой мужик с бородой.

— Я заплачу, отдайте волка мне, — не унималась я.

На кой черт он мне сдался? Но почему-то очень хотелось защитить серого красавца. Я не стала распинаться по поводу бесчеловечности происходящего. Для чего? Чтобы устыдить народ? Очень смешно. Человеческий азарт можно сбить лишь таким же азартом, а не чувством стыда.

— Девочка, включи свой куриный мозг и подумай хоть раз, что ты с этим зверем делать будешь? — спросил мужик с ружьем.

Толпа загоготала.

Действительно, почему бы не последовать умному сове-

ту? Вот только голова не включалась. А не все ли равно? Чудить, так по-крупному.

Под прицелом множества глаз мне стало неуютно, но отступать уже поздно.

— Сколько вы за него хотите? — продолжала настаивать я.

— А ты типа богатая? — Мужик с ружьем начал заметно злиться.

Кажется, мне страшно. Вот только люди об этом не узнают. Не о чем им знать, потому что на самом деле я не боюсь. Честно говоря, я злилась. Злилась сама на себя за то, что вмешалась, за то, что мне не все равно.

— Сколько вы хотите за него? — Я не стала вестись на провокацию.

— Ванька, да что ты ее слушаешь, гони взашей блаженную, — опять кто-то умный высказался.

А я оглянулась и вновь посмотрела в глаза зверю. Это что я там только что увидела, неужели интерес и надежду? Правду говорят, животные — разумные твари. Серенький, миленький, учти: если сейчас меня покусает — отравишься, еще и пулю в лоб получишь.

— Назови сумму, — совсем обнаглев, начала командовать.

— Девочка, давай ты сейчас успокоишься и подумаешь. Зачем тебе дикий зверь? Раненый, озлобленный, он теперь для людей опасен, — обратился ко мне тот самый бородатый мужик.

«У него глаза добрые», — заметила я. Эх, дядя, кто б мне сказал, на кой черт я эту зверюгу защищаю. Но иначе не могу, не получится уже задний ход дать, собственное упрямство вперемешку с азартом не позволяет.

— Зачем он мне нужен — это мое дело, назовите цену и разойдемся каждый по своим делам, — уперлась я.

— Цену, значит? — сплюнул мужик с ружьем, который оказался тем самым Ванькой. — За дохлого пятнадцать, за живого двадцать пять тысяч, — надменно заявил он.

А харя у тебя не треснет? Откуда такие расценки? Но само собой возмущенные мысли озвучивать не стала.

— Пойдемте к бабе Клавье, деньги у нее дома. — Прямо горжусь собой, тон твердый, командный.

Естественно, налички подобного размера я не имею, деньги на карте. Но наверняка у бабы Клавьи припасено кое-что

на черный день. Не думаю, что она мне откажет, я умею быть убедительной.

— Мне больше делать не фиг, как за тобой, писюха, таскаться. Пшла отсюда. Без денег и разговора нет, — махнул ружьем Иван.

Лихорадочно соображаю, как уговорить охотника. Ненавижу свою беспомощность. Я прекрасно осознавала, что стоит мне уйти, как животное тут же пристрелят.

— Я заплачу за нее, — раздался голос за спинами мужиков. Народ примолк, обернувшись к новому лицу.

Это был высокий широкоплечий парень с рваным шрамом на правой щеке.

— А ты типа герой? — злобно спросил Иван, поддерживаемый тихим ропотом своих односельчан.

Внимательно прислушиваясь к разговору, я оставалась настороже и не спешила радоваться неожиданному спасителю. Да и на принца незнакомец не тянул.

— Типа да. Тебе-то что? Получишь свои двадцать пять косарей, я — благодарность барышни, ну а зверюга — второй шанс. Согласись, выгодный расклад, — усмехнулся незнакомец. Нехорошая то была усмешка, вот и мужики прониклись, потому как смолкли все разом и напряглись.

И долго здесь стоял сей субъект? Мне бы в его глаза заглянуть, но зеркальные очки не давали такой возможности.

— Ванька, соглашайся, где ты еще так легко бабок срубишь? — сощурился бородатый мужик. Не зря он мне с самого начала адекватным показался.

— Ну ладно, — сплюнул Иван. — Гони деньги.

И парень со шрамом достал портмоне.

— Мужики, сучку мою отвяжите да пошли ко мне, сегодня гуляем, — довольно гукнул Иван.

Собаку отвязали быстро, за этим процессом я наблюдала пристально, и вскоре народ разошелся. Я осталась один на один с диким зверем. И что мне теперь делать? Как-то не загадывала так далеко.

— Серенький, я хоть и дурная, но все понимаю, прошу, не кусайся сильно, — проблеяла еле слышно.

— Ты еще долго с ним разговаривать будешь? — раздался за моей спиной скучающий голос, заставивший меня вздрогнуть.

Разворачиваюсь на пятках и в упор смотрю на незнакомца.

Одет он был в черные джинсы, черные кроссовки и белую футболку. Погода стояла жаркая, так что надобности в верхней одежде не наблюдалось. Короткостриженный брюнет, на лице помимо очков двухдневная щетина, вкуче со шрамом смотрелось все это довольно устрашающе.

— Ему лапу надо обработать, а я не знаю, как подступиться, — напряженно выдаю первую пришедшую на ум мысль.

— Стой здесь. — И он отправился к машине, стоявшей неподалеку.

Ну надо же, я даже не заметила, когда он подъехал, поскольку не услышала шума двигателя. А машинка-то действительно не из простых. Терпеть не могу джипы, особенно такие большие.

Парень... хотя, какой он парень? Ему на вид глубоко за тридцать. Так вот, этот странный индивид принес аптечку и прямиком направился к волку.

Зверь вел себя странно. Если при охотниках он скалился и рычал, то сейчас начал скулить и сильнее припадать к земле, поджимая хвост. Мужчина снял очки и заглянул волку в глаза.

— Тихо. Сейчас ты будешь спокойно сидеть и даже не пискнешь, а когда я закончу, отпущу на волю. — Он говорил уверенно и властно.

И что странно, волк не посмел ослушаться. Все время, пока мужчина уверенно обрабатывал рану животного, тот не то чтобы рыкнуть, он дышать старался через раз. Под шумок и я решила присоединиться к процессу исцеления, прекрасно осознавая, что больше мешаю.

Когда я присела рядом со зверем на корточки, мужик бросил на меня быстрый взгляд. Тогда-то я и увидела его глаза, не похожие ни на чьи больше. Серые, словно грозовое небо, с золотистыми крапинками. Именно в тот момент меня пронзило в первый раз. Что пронзило? Черт его знает. Я ощутила некое шевеление под кожей. Гаденькое ощущение, стоит признаться. Именно из-за этого ощущения настороженность по отношению к неожиданному самаритянину возросла. В общем, любовью с первого взгляда там и не пахло.

Мое же внимание резко переключилось на волка. Я по-

чувствовала его запах так ярко и так сильно — у меня крышу на время снесло от ощущений. Неудержимо захотелось запустить в его шерсть руки. И прежде чем осознала что-либо, я уже шарила по его холке, и не только руками, между прочим, носом тоже поелозить успела. Да что со мной? И не только со мной, я воочию увидела довольную морду животного. В себя пришла, только когда почувствовала на лице мокрый волчий язык.

— Э... хороший мальчик, — смущенно кашлянув, я отчаянно покраснела. Вот это уже настоящий срыв. Стыдно-то как.

Парень лишь бросил на меня задумчивый взгляд. Закончив с лечением, он отвязал волка от дуба и, взяв его за шкуру, повел в сторону леса. А я стояла и смотрела, как некогда дикий и опасный зверь, словно ручной щенок, слушался приказов этого мужчины. Я чего-то не знаю о мире животных? Волк и человек уже давно скрылись за кустами и деревьями, а я все стояла. Но вот мужчина вернулся.

— Пошли к машине, отвезу тебя домой, — подошел парень, сейчас он показался моложе. — Как звать?

— Руслана, — буркнула я.

— Саша, — кивнул он. Ну надо же, никаких замечаний по поводу моего имени.

— Я пешком дойду, — попыталась быть скромной я.

— Ты со мной поедешь. В конце концов, я герой дня, — ухмыльнулся Саша.

Я не очень люблю наглых людей, хватит и меня одной, но на этот раз не стала отказываться. Вспомнив о необходимости вернуть ему деньги, решила подчиниться.

А шрам его совсем не портил. Странный шрам. Словно росчерк трех когтей, три рваных пореза от подбородка к уху. Не сказала бы, что они его уродовали, особенно если вспомнить его глаза. Его уже ничто испортить не могло, как в том анекдоте. Не красавец, далеко не красавец. Не было в нем той смазливости, что так активно пропагандируется индустрией развлечения. Но и отвращения он не вызывал. Было в нем что-то другое. Что-то, что воспринимается на подсознательном уровне. Взгляд то и дело возвращался к его лицу.

— Не нравится? — посмотрел он на меня в упор.

— Нравится, — пожимаю плечами, и ведь в голову не пришло смутиться.

Он вопросительно поднял бровь. Ну вот, теперь придется объяснять свои слова, а так не хотелось вступать с ним в беседу. Чего стоило промолчать? А все дядино воспитание виновато.

— Если вы не переживаете по этому поводу, то почему я должна? — Дядя всегда говорил, что шрамы украшают мужчину, а дядя врать не будет.

Мне действительно плевать на лицо, не оно выдавало его суть. Пугали глаза, глаза человека, видевшего в этой жизни все, человека, способного на многое.

— С чего взяла? — насмешливо спросил он.

На комплименты нарывается? Нет, он изучает меня, внимательно наблюдая через зеркало заднего вида. Ответа ждет вроде бы и с насмешкой, но взгляд серьезен.

Говорила же баба Клава, молчание — золото, почему я умных людей никогда не слушаю?

— Простейшая пластическая операция стоит раз в десять дешевле вашей машины. Если вы ее не сделали, значит, вас все устраивает, — пожимаю плечами и отворачиваюсь к окну. Мне нетрудно ответить, тем более ему так хочется знать, но я не любитель разговоров на личные темы. А шрам — тема, без сомнений, личная.

— Умная, да? — все шире скалился он.

То есть сказку про страх перед уколами мне рассказывать не будут? Наверное, он понимает, что при общем наркозе на уколы как-то плевать.

— Честно? Нет, — обернулась к нему.

Уголки его губ приподнялись, выдавая веселую усмешку. Он меня пугал. Не внешностью, нет, само его присутствие давило. Так бывает, когда инстинктивно осознаешь превосходство человека над собой. Это даже не страх как таковой, скорее опаска и настороженность. Мои инстинкты если вдруг просыпались, то не обманывали.

— Вот мы и приехали, — сообщил Саша, тормозя у дома бабы Клавы.

Долго же мы. Тут минут десять ползком, а мы на машине целых пятнадцать двигались.

— Вы здесь подождете или со мной за деньгами пойдете? — Не люблю быть должной.

— Красавица, я, по-твоему, тварь последняя? — вкрадчиво поинтересовался он.

Я должна отреагировать на «красавицу»? Вспомнив свой внешний вид, решила пропустить его слова мимо ушей. Ведь врет и не краснеет.

— А я, по-вашему, неблагодарная?

— Ну если ты настаиваешь. Отблагодарить можно более приятным способом. — И улыбочка такая масляная, что выслушивать его варианты резко расхотелось.

— Добрые дела на карме отражаются, так что мы в расчете, — буркнула я, выходя из машины. Все-таки он вывел меня из себя. Столько наглости и самодовольства еще поискать надо, а тут прямо гейзер.

Домой и не выходить на улицу — впервые за день меня посетила здравая мысль. Коей и придерживалась до утра следующего дня. Бабе Клаве ничего рассказывать не стала, все равно узнает, когда в магазин пойдет. Вместо этого активно создавала вид бурной деятельности, то грядку прополю, то двор подмету. Тут главное не переусердствовать, иначе баба Клава заподозрит неладное. Оттого и спать пораньше легла.

Проснувшись в отличном настроении, что со мной в утреннюю пору случается редко. О вчерашних событиях и вовсе не вспоминала. Помогая бабе Клаве с домашними делами в очередной раз, я размышляла о своих планах на ближайшую неделю. Как таковых планов не было, но конкретно сегодня мне очень хотелось искупаться. Вариант был только один — река. Не слишком широкая, не слишком глубокая, обычная такая сибирская река, со всеми вытекающими в виде холодной воды, теплой гальки, а местами даже песочка, комарами и прочими москитами. Очередной приток одной из могучих сибирских рек.

Быстренько собрав вещи, я отправилась к желанной цели. Было у меня заветное местечко с песчаным бережком, течение не быстрое, а травка, словно перина, мягкая, да и от основной массы отдыхающих, коими являлись местные ребяташки, далековато. Так, под музыку любимого плей-листа из mp3 плеера я отправилась купаться. Погода отличная, птички поют, на моих губах блуждает идиотская улыбочка, а на лице выражение блаженства.

Придя на место, первым делом я развела костер, потому

как, каким бы жарким солнце ни было, а водичка все же прохладная. Так что пришлось облазить весь берег в поисках сухих веток и прочего мусора. С огнем проблем не возникло: я всегда ношу с собой зажигалку — привычка заядлого курильщика. Добрая баба Клава дала мне с собой авоську, полную еды. Расстелив покрывало в стороне от маленького костерка, я отправилась к воде, плееру пришлось остаться в сторонке на покрывале вместе с шортами и маечкой. Травить себе душу постепенным погружением я не стала и бросилась в воду с разбегу. Тело обожгло холодом, легкие сдавило от непривычных ощущений. Выныриваю, делаю глубокий вдох, и понеслась. Гребок за гребком я сбрасывала напряжение, скопившееся за день, разогревая мышцы, гоняя кровь по венам, просто плыла, рассекая прозрачную гладь воды. В такие моменты чувствуешь себя дикарем, отчего на душе становится весело и легко. Кто бы мог подумать, что я — до мозга костей городской житель — с такой легкостью управлюсь с костром. Спасибо за это надо сказать дяде. Он у меня личность всесторонне развитая, даром что бывший военный, моим воспитанием он занимался особо тщательно.

Казалось, ничего не предвещало облома. Но у судьбы, как известно, дурное чувство юмора, и, судя по всему, она решила, что я оценю его по достоинству.

Наплававшись в прямом смысле до посинения, я решила, что пора бы мне к костру. Выбираясь на берег, смотрела себе под ноги, потому как сквозь крупную гальку местами проступал острый гравий, не хотелось бы наступить на него босой стопой.

— Привет, Руслана, — радостно поприветствовал меня мужской голос.

Чуть не споткнувшись, резко вскидываю голову и наблюдаю картину маслом. На моем покрывале вальяжно расположились трое парней! Одного из них я узнала сразу. Им оказался мой недавний знакомец — Александр. Он сидел посередине, на этот раз с обнаженным торсом и в просторных полотняных штанах, только очки на этот раз были на макушке. Двое его товарищей также были внешности устрашающей. Тот, что справа от Саши, — русоволосый мужчина, на вид лет двадцати восьми, коренаст, руки его бугрились мышцами, голубые глаза, не скрытые очками, лучились веселым задором.

На его лице читалось явное любопытство. Брюнет, что находился по левую руку моего знакомого, прожигал меня черными глазами, губы тонкие, массивным телосложением не страдал, он казался скорее гибким, нежели накачанным. С постной рожей, он полулежал, опираясь на локоть.

В подобной ситуации нормальная девушка наверняка бы испугалась. Я же решила, что парней вряд ли заинтересует мое синее от холода тельце, с трясущимися конечностями, с кожей, покрытой пупырышками, и прочими последствиями купания в холодной воде.

— Здравствуйте, — спокойно ответила я, хотя сердце в груди заходило в бешеном ритме, глухое раздражение требовало выхода.

И чего вам надо, господа хорошие? Или мне лучше не знать?

Саша плавно поднялся с покрывала, поразив меня нечеловеческой грацией. Он направился ко мне, держа в руках полотенце. Скажу прямо, непонятная ситуация вводила в ступор. Разумно решив не предпринимать пока никаких действий, я просто наблюдала за развитием событий. Дядя всегда говорил: не знаешь, что делать, — жди.

Александр между тем подошел ближе и накинул полотенце на мои голые плечи. Мне показалось или он специально провел пальцами по оголенной коже? Наверное, все же показалось.

Он плавно сделал шаг назад, не отрывая странного взора.

— Спасибо, — покраснела я.

Вообще-то давно пора. Покраснеть я имею в виду. Как-никак трое незнакомых мужиков пристально меня рассматривают. Но щеки заалели не от смущения, а от праведного гнева. Наглость гостей, посягнувших на мое покрывало, выводила из себя.

— Как вода? — задал Александр самый дурацкий вопрос из всех.

— Нормально, — ответила я.

— А мы тут мимо проходили, — ухмыльнулся он. Мне его улыбка не понравилась, добротой от нее не веяло.

— И решили заскочить на огонек? — понятно киваю, продолжая стандартную историю.

Я стояла и почему-то не спешила шевелиться. Не то что-

бы я замерла от испуга, просто мой мозг выдавал определенную команду собственному телу — «не двигайся». Это не было очередным приступом, скорее инстинктом. Я и не двигалась, даже растереться полотенцем, что было накинуто на мои плечи, не решалась. Спроси у меня кто на тот момент, почему я поступала именно так, а не иначе, я бы не ответила. Понимание пришло намного позже.

— Умная девочка. — Его оскал стал более ласковым.

Это вряд ли.

— А уходить не собираетесь? — не теряла я надежды.

— Мы — нет, — ответ был короток и ясен. — Ты — да.

О как. Я задумалась. А с чего вдруг такие царские замашки? Взрослые же вроде люди. Значит, должна быть взрослая причина? Я даже думать об этом боялась. Правильным решением будет подчиниться, по крайней мере сейчас. Хоть и одолевали меня растерянность и непонимание, инстинкты молили не перечить. Наверное, я все же сумасшедшая, раз решила не сопротивляться и не качать права. Псих психа за версту чувствует. И я чувю. Вот он, напротив стоит.

— Огонек позвольте затушить или сами гражданскую сознательность проявите? А я, пожалуй, и впрямь домой пойду, — поморщилась от звуков собственного голоса. Бравлада выглядела совершенно ненатурально. Было обидно.

Вообще-то я уже замерзла так стоять, кожа покрылась противными мурашками, а волосы неприятно щекотали затылок. Рефлекторно передергиваю плечами и понимаю, что наконец-то могу двигаться, чем и воспользовалась, сделав шаг по направлению к своим вещам, рядом с которыми удобно располагались друзья Саши. Парни внезапно плавно поднялись на ноги и разошлись в разные стороны, и так у них это синхронно получилось, что мне стало не по себе. Не от страха, нет, скорее уж от странности ситуации.

— Я провожу, — шагнул ко мне виновник всех бед.

— А можно мне для начала одеться? — смотрю я на него выразительно.

— Конечно. — Не то чтобы ухмылка его была похабной, совсем нет, но все же столь пристальный взгляд можно было бы назвать неприличным. Какой-то он сегодня игривый.

Своим товарищам Саша послал странный взгляд, после чего те скрылись в ближайшем лесочке, оставив нас наедине.

Меня же успокоило резкое уменьшение количества населения на один квадратный метр, отчего я редкостоно подобрела душой. Но настороженность не исчезла, не нравился он мне, и все тут.

Ну что ж, поступим умно и просто наденем все поверх мокрого купальника. Вы можете спросить, почему мне и в голову не приходит возмущаться столь вопиющему поведению незваных гостей. Как же так, выгоняют с насиженного места, причем внаглую. Моим ответом будет нервный смешок. Посмотрела бы я на вас, если бы вы были один на один с тремя странными типами, от которых инстинкты приходят в особенный трепет. Мне не было страшно, но и суровые реалии нашего общества из виду выпускать не стоит. Не стоит о плохом думать, паника не лучший советчик.

Так вот, одевалась я молча, не отводя взгляда от нового знакомого. Как ни странно, он так же пристально смотрел на меня. Его серые глаза непрерывно следили за каждым моим движением. Прямо скажу, это напрягало. Меня беспокоили он, сама ситуация, его взгляд и моя реакция кролика перед удавом, что невероятно бесило. Тоже мне большой и страшный! Рожа наглая! И главное, не пойму, он пытается запугать или это у него нормальная линия поведения?

Быстро собравшись, бросила в сторону Александра взгляд исподлобья. Мой надзиратель с ничего не выражающим лицом подошел ко мне, взял из рук пляжную сумку и пошел вперед. Быстро же он серьезным стал. Мое возмущение достигло апогея. Вот только я никогда не была мастером истерик, мне ближе мирное решение проблемы, даже когда меня захлестывают эмоции.

— Чем я вас так не устраиваю? — задала я вопрос в широкую спину мужчины.

Мы шли сквозь лесок по тропинке, что вела к дороге. В лесу было прохладно, отчего различные кровососущие насекомые прибывали в радужном и голодном настроении. Так что я успела оценить галантность моего сопровождающего, без сумки намного удобнее отбиваться от комаров.

Но Александр внезапно встал как вкопанный, изрядно меня этим напугав. Носом я врезалась в его спину, не успев затормозить. Нельзя же так!

— С чего ты взяла? — обернулся он ко мне.

— Вы довольно грубо выпроводили меня с насиженного берега, — собравшись с силами, смотрю ему в лицо.

Пожав широкими плечами, он продолжил свой путь.

— Волк, которого ты так великодушно пыталась спасти, был пойман рядом с деревней. А там, где один волк, будет и целая стая. — Он говорил спокойно и вдумчиво. — На большую компанию животное, может, и не нападет, но вот на одинокого отдыхающего вполне. Так что не ходи, пожалуйста, одна.

— Я не знала, — растерялась я.

На этом разговор угас, и повисла тягостная тишина. Я размышляла о своем, мой провожатый о своем.

— Зачем ты это сделала? — задал он неожиданный вопрос.

— Что именно? — уточняю на всякий случай.

— Зачем за волка заступилась? Такая жалостливая? — не видя его лица, все же можно определить изрядную долю ядовитого сарказма.

— Кто знает, — вздыхаю, задумавшись. — Сама еще не поняла.

Но если бы не Саша, спасти животное вряд ли бы удалось, данного факта отрицать не стоит.

Наконец мы вышли на дорогу, где стоял джип Александра. Я, уже ничему не удивляясь, забралась в автомобиль. Доехали мы быстро, молча и без домогательств.

Как ни странно, распрощались тоже довольно быстро и сухо. Я даже обиделась немного, поскольку не успела озвучить собственные мысли по поводу чужого нахальства.

Это там, посреди леса, у реки, в окружении трех амбалов я могла вести себя разумно, сейчас же среди людей вполне можно было сказать свое «фи» по поводу их резкого поведения. Что ему мешало объяснить все сразу? Я же, пока одеваюсь, успела всякого напридумывать.

Но подобной возможности мне не дали. Александр быстро загрузился в авто и укатил туда, где оставил приятелей. Стоп. Получается, мне по лесу не ходи, а ему можно, что ли?

Только я зашла во двор, как на крыльцо выступила баба Клава. А ведь она видела, кто меня привез. Ой.

И только я приготовилась к массивированной атаке вопросами, как вместо этого сказали:

— Руся, ко мне тут соседка забежала. Предупредить. Волки за деревней. Не ходила бы ты больше на речку, а?

Говорила бабушка Красной Шапочке в лес не ходить? Но разве же старую кто слушать будет? Мы же, Красные Шапочки, народ не самый умный.

Первое время я вела себя довольно благоразумно, и в дальнейшем собираясь быть послушной девочкой. По большей части сидела дома, помогая бабе Клаве по хозяйству. И все бы было замечательно, если бы не проблема в лице самой бабы Клавы.

— Руся, — невзначай спросила она, когда мы лепили вареники на веранде, служившей нам летней кухней, — а чегой-то тебя за машина такая страшная привезла? Чай не приезжего ли хлопца? Со шрамом который?

И смотрит на меня так хитро-хитро. Я еле удержалась, дабы не скорчить рожицу. И ведь это она еще мягко, издали, ласково выпрашивает. А может ведь и по-другому. Иногда я всерьез размышляю о молодых годах этой женщины. Подобные методы допросов наверняка использовали в КГБ.

— Его зовут Александр. — Очередной вареник был отправлен на противень, скрывая мое замешательство.

Кроме имени, я ничего больше не знала об этом мужчине. Не говорить же бабе Клаве, что данный индивид жутко властный, вредный и вообще навевает тоску на мою хрупкую нездоровую психику.

— Смотри, Руся. От мужиков все проблемы, — выдала умудренная жизнью женщина свою любимую фразу. — Хлопцам одно надо.

Я тоскливо вздохнула.

— Я буду осторожна. — Очередной вареник покидает мои руки. А это успокаивает, между прочим.

— Знаю я, как ты осторожничаешь, — ворчит баба Клава. — Ты зачем к волку пойманному полезла?

Вот этого вопроса я боялась больше всего. Откуда ж я знаю?

— Жалко стало, — тихо бурчу себе под нос, не поднимая на женщину глаз.

Та от возмущения перестала лепить вареники. Жаль, совсем ведь чуть-чуть осталось. И так мне курить захотелось,

что даже пальцы подрагивать начали. Странно, в деревне я не курила вообще, отчего-то не хотелось.

— Дура девка. Волк — зверь, а зверь человеку не товарищ. Это хорошо, Сашка твой рядом был да от беды уберег. Мужики тоже дураки, это ж надо на уговоры твои поддаться. Совсем сбрендили, последние мозги пропили. Тьфу!

Я тихо лепила свои вареники дальше. Не то чтобы меня мучили угрызения совести, в конце концов я девочка взрослая и сама как-нибудь разберусь. И даже мой аутизм этому не помеха. Только дядя и баба Клава о моей самостоятельности постоянно забывают.

Вареники все же долепила и даже остальные дела додела-ла. Баба Клава в это время успела сходить в магазин и прине-сти свежие новости.

— Сашка твой, чай, мужик основательный. К лесничему съездить успел да егеря привез, чтоб он народ от походов в лес уберег. Поставили ловушек за деревней да в лес ходить не велели. Хороший мужик.

Интересно, я одна задавалась вопросом, на фига ему это надо? Он не местный, и чужие проблемы обычно никого не заботят, а тут такие решительные действия.

— Я его встретила по дороге, — невзначай обронила баба Клава. И смотрит на меня хитро-хитро. — Про тебя спраши-вал.

Все, моему терпению пришел конец. На нем свет клином сошелся, что ли? Спасу от него нет. Последние дни баба Клава об Александре только и говорила! А у меня, как у птицы говорун из известного мультика, «держаться нету больше сил».

Вот только я не отличалась ни умом, ни сообразительностью, поэтому и сглупила. Потому как после данной отправной точки все пошло совсем наперекосяк и повернуть назад мне уже никто бы не дал. А ошибкой моей стало то, что я позволила себе лишние волнения и как следствие — поход в лес. Да, мне раз десять повторили, что нельзя этого делать. Да, я знала об опасности. Да, если бы могла, надавала бы сама себе подзатыльников, чтоб мозги на место вставить.

Но было одно большое и непреодолимое «но». Я все-таки больная на голову особа. Причем в прямом смысле этого слова. Короче говоря, легла я вечером спать в своей кровати, а

ночью проснулась на прохладной лесной траве, поедаемая таежными комарами-мутантами. Я и раньше лунатила, но чтобы так...

— Перенервничала, — вынесла я вердикт. Ибо лунатизмом страдала в моменты стресса. Когда подобные казусы случались в квартире, это еще куда ни шло, но... стоит признать, сейчас я переплюнула саму себя.

В короткой льняной сорочке на голое тело, босиком и без фонаря. Чего там, без фонарика я еще могла прожить, но без противокомариного крема нынче никак. Пусть меня и не устраивал его запах, но расчески от укусов противных насекомых радовали еще меньше.

После того как я окончательно пришла в себя и поняла, что активно бодрствую, решила осмотреться. Увиденное не порадовало. Вокруг были деревья, что неудивительно, тайга как-никак, кустарники и буреломы. К горлу подступил ком. Посмотрела наверх. Небо ясное... с полной луной. И тишина. Перевела взгляд на ноги — ступни изранены и исколоты. Шла я, судя по всему, долго.

— Мама, — раздался в ночной тайге мой тихий писк.

Тело сковала судорога. Холодный ночной воздух не прибавлял комфорта, бросая в дрожь. И уже непонятно, замерзла я или просто сильно испугалась, а может, все сразу. Меня трясло, губы скривились, а из глаз градом покатались слезы. Одна, в лесу, далеко от людей. Страаашно. Действительно страшно. А вдруг волки? Или медведи? Я даже не знаю, кто хуже. В любом случае будет больно. И никто не спасет, потому что мою пропажу обнаружат только наутро. А если не успеют? Я ж не доживу до утра здесь. Mamочки, помогите кто-нибудь. Паника затопила разум.

Почувствовала себя маленькой девочкой, оставленной на растерзание невиданным тварям из страшного леса, и разревелась пуще прежнего. В голос, с подвываниями и всхлипами. Я совсем одна. Совсем. Никто меня не спасет. Вообще.

Но долго так развлекаться не получалось, со слезами уходил страх, такой вот парадокс. Я действительно одна, и спасти меня никто не будет, а значит, рассчитывать могу только на себя. Как всегда — сама вляпалась, сама выплыла. Из груди вырвался нервный смешок. И как только истерика утихла, мой уставший разум начал лениво размышлять. Где ж ты ра-

ныше был? Естественно, мозг не ответил. Я же не сумасшедшая. У меня всего лишь аутизм, ну и лунатизмом страдаю под шумок, а это не шизофрения, хоть раньше эти две болезни и считали одной. Правда, теперь аутизму приписывают все, что не могут приписать ни одному другому диагнозу.

Слезы всегда помогали успокоиться, так что своим истерикам я предавалась с радостью, ибо после них в голову приходили гениальные идеи. Вот и сейчас, почувствовав облегчение и легкую апатию, я поднялась на ноги, а ведь не прошло и получаса. Истерики действительно кончались довольно быстро, и чем бурнее они протекали, тем короче были. Голова чуть кружилась, но я стоически проигнорировала данный факт.

Взглянула на небо. Ага. Закон подлости все же работает — ни черта не видно. Впрочем, я не сдаюсь и продолжаю пристально всматриваться. Полнолуние там, не полнолуние, а Полярную звезду увидеть можно всегда. Значит, север справа. Деревня на юге, следовательно, мне налево. Отлично. Разворачиваюсь и приглушенно матерюсь от боли. Не буду озвучивать все то, чего когда-то набралась от дяди и его друзей, так как тихой интеллигентной девушке подобного знать не положено. В общем, передвигаться ночью босиком по глухому лесу еще то удовольствие, скажу я вам.

Тут во мне взвырало раздражение на саму себя. Нет бы обуться, прежде чем отправиться лунатить! В следующий раз лягу спать в кроссовках. Сейчас же мне только и остается, что идти и материться, материться и идти. Как любил говорить мой дядя, мыши плакали, но жрали кактус. Больно-то как. Раз сто пообещала себе купить наручники и каждую ночь приковывать себя к кровати, еще одной подобной ночи я просто не переживу.

Естественно, скорость моего передвижения была минимальной. И это притом, что я даже не знаю, сколько сейчас времени, ибо не имела привычки носить часы на руке. Надеюсь, к утру доберусь. Ох, и влетит же мне от бабы Клавды. Что печалит, так тот факт, что лес был мне не знаком. То ли из-за темноты, то ли действительно далеко забрела в беспмятстве. Я ведь с детства окрестности хорошо знаю, лично облазила, а сейчас не признаю, и все тут.

Ситуация удручала. Ночь. Хорошо хоть не кромешная,

иначе сломала бы я себе шею, несмотря на хорошее зрение. И плевать на то, что полная луна мешает ориентироваться по звездам. Переживу. Но было еще два минуса, которые не просто печалили, они убивали во мне всю надежду на лучшее. Первое — это мои босые ноги, в последнее время я только и делала, что поскуливала от боли из-за впившейся в ступню очередной занозы и иголки. А второе — мое скудное одеяние. Вопреки ночному холоду приходилось идти, все чаще и чаще мечтая о фуфайке и валенках. Я держалась исключительно на адреналине, и, словно в насмешку, вокруг бурлила ночная жизнь. То треснет что-то вдалеке, то птица голос подаст. Ночной лес, скажу я вам, еще тот аттракцион ужасов.

Черт, как же мне страшно и больно. И очень хочется в свою кроватку.

Долго ли, коротко ли продолжались мои страдания в виде насилия над собственным телом, но в один далеко не прекрасный момент я осознала, что близится приступ. Тело перестало мне подчиняться, оно просто замерло. Так я и застыла в позе буквы зю, в процессе преодоления очередного буерака в виде особо буйного кустарника. И как всегда в подобный момент мои шесть чувств заработали с бешеной силой. Уши вдруг начали улавливать странные шорохи вокруг. Глаза заметили непривычные тени, мелькающие неподалеку. И это в темноте-то! По коже бродили мурашки. Нос ничего не чуял. Бывает так, живешь себе, живешь, занимаешься обычными делами, а потом вдруг замираешь и понимаешь, что продолжать так больше нельзя. Хуже того — нужно бежать.

Вот и мой инстинкт вопил о необходимости спастись. Но тело по-прежнему не двигалось, и бесконтрольный ужас овладевал сознанием.

Не сразу до меня дошла причина собственного страха. Тишина. Полнейшая. Ни ночных птиц, ни привычных лесных шорохов, только те, что были вокруг. Неестественные. Словно зверь крадется. Но обычная жертва не способна уловить звуки приближения хищника. И уже не важно, что мои босые ступни изрезаны и исколоты, даже холод перестал беспокоить. Лес молчит, когда хищник рядом, — эту истину знали все деревенские, ею поделились и со мной. И еле слышное дыха-

ние за спиной. Свет луны заливает глаза. Белый, невероятно белый свет отдает металлическим вкусом на языке.

Тело начинает двигаться, само, без команды пораженного мозга. Вперед, только вперед.

В мозгу билась одна мысль — бежать. Так быстро я не бегала даже в свои лучшие годы. Я ломилась через лес, не замечая, как начала скулить и повизгивать в голос. На что мне ответил довольно близкий вой. Волки. Они поняли, что я знаю о них. А я поняла, что меня сейчас будут есть. Долунатилась, убогая. Где ж от серых спрячешься? Волки перестали скрываться, они загоняли меня, как свою добычу. Почему «как»? Я и есть добыча.

Добыча, у которой стук сердца в ушах заглушает остальные звуки. Воздух уже не казался таким холодным, скорее наоборот, он обжигал, врываясь в легкие и разрывая их на части. В бок кололо, в ушах шумело, ноги нестерпимо жгло. И все же я прекрасно видела стаю. И мне было страшно, страшно настолько, что иногда я забывала дышать. Они загнали меня. Нет, не так. Чтобы загнать, нужно бежать на равных, они же просто окружили меня, поймали в ловушку неуклюжий ужин. Посреди небольшой поляны стояла я и пять волков.

Они чувствуют мой страх, не просто видят, они его чувствуют, как запах. Ноги дрожат, грудь ходит ходуном, исцарапанное ветками лицо кровоточит, а волки лишь скалятся и рычат. И самое отвратительное чувство жгло мне душу. Ожидание. Ожидание броски одного из них. Они знают, что я не противник, поэтому позволяют себе роскошь игры. Со всем оборзели. Я сделала шаг назад.

Треск. Сердце екнуло, а я полетела вниз, нелепо раскинув руки. Последнее, что я увидела, была белая луна и напряженный взгляд волков. Желтый, горящий и недоумевающе удивленный.

Не сказала бы, что летела долго, но эти мгновения были длиною в мою жизнь, с рождения и до нынешнего момента. Падала я спиной, жесткий удар выбил воздух из легких, а в глазах потемнело. Ненадолго.

Вскоре зрение вернулось, в отличие от воздуха. Я по-прежнему безуспешно пыталась сделать хотя бы маленький вдох, с широко открытым ртом и выпученными от усердия

глазами. Накатывающая из-за нехватки воздуха паника никак не способствовала процессу поступления кислорода. С большим трудом, но мне таки удалось вдохнуть. О это сладкое чувство, о этот прекрасный запах сырой земли. Я дышу!

Но долго разлеживаться на холодной земле не стала, быстро ощутив себя, убедилась в отсутствии внешних повреждений. Я ударила головой — это плохо, потому как она у меня и так в плачевном состоянии, но переломов нет — это хорошо. Кряхтя и постанывая, медленно перевернулась на бок, после чего встала на четвереньки. Изрядно пострадавшие конечности противились любому действию с моей стороны, но сила воли победила. А вокруг кромешная темнота, лишь над моей головой сквозь кроны могучих деревьев светила луна.

— Мамочки, Божечка, вернись домой, обязательно лягу в больницу. Элитную, швейцарскую, пусть и будут там мягкие стены, но лишь бы не было волкоооооов, — простонала я, поднимаясь на ноги.

Невероятное обещание с моей стороны, поскольку любое медицинское учреждение рождало во мне неконтролируемое чувство паники и отвращения.

Меня ощутило шатало, колени не просто дрожали, они ходуном ходили. Невольно вскинув руки, я уперлась в стену. Земляной колодец? Нет, волчья яма. Она была замаскирована, свидетельство этого валяется вокруг меня в беспорядке. Я даже побледнеть нормально не смогла, потому как и так за эту ночь натерпелась с лихвой. А ведь обычно на дне таких ям находятся либо колья, либо еще какая охотничья бяка. Подняла валяющуюся у моих ног палку и принялась тыкать в пол вокруг себя. Вроде ничего, кроме маскировочного мусора, натывать не удалось.

Неширокая, но достаточно глубокая яма была бы идеальной ловушкой для дикого животного. Судя по запаху прелой листвы — яма довольно старая. Как часто охотник, сделавший ее, проверяет свои уголья? Как скоро меня найдут? Неделя? Две?

Обессиленно рухнув на кучу мусора, я обхватила голову трясущимися руками и взвыла. Выть долго у меня не получилось, вскоре горло охрипло, захотелось пить, есть и в туа-

лет. А волки сидели вокруг ямы и смотрели на меня разочарованными глазами. Н-да... так мы и играли в гляделки.

Они не прыгнут. Но и я вылезти не смогу, и не из-за них, а потому что слишком высоко, а зацепиться не за что.

Вскоре мне надоело молча наблюдать темные силуэты лесных хозяев на фоне светлого пятна поверхности, и я начала истерично напевать веселую песенку о расчлененной барышне. И грустной судьбе ее конечностей. Я безбожно фальшивила, но собственный голос успокаивал. В голову пришла гениальная идея: а почему бы не покинуться в злых волков палками? На втором куплете я явно распелась, посему, на мой взгляд, он удался больше, нежели первый.

— Боже, дай сил дожить до утра, — вырвалось у меня в процессе пения, ибо волки начали рычать. Наверняка им не понравились вылетающие из ямы предметы. Хоть и были они не тяжелыми и трухлявыми до безобразия, но раздражали ощутимо.

В третий куплет я вложила всю душу, ибо палки у меня кончились. И волки взвыли. Натурально.

— Не поняла, вам понравилось, что ли? — выпала я в осадок.

В общем, я умудрилась допеть, чем изрядно нервировала волков. За все время сидения в яме я успела согласиться с утверждением некоторых людей о своем психическом здоровье. Раз десять пообещала продать душу за пачку сигарет. И раз ...дцать клялась уехать в Швейцарию на лечение, хоть дядя и не заикался о клинике. Причем откровенно врала, потому что лучше сдохнуть здесь, чем попасть в руки деятелей науки.

Сидение на сырой земле явно не шло мне на пользу, я продрогла, зубы уже давно выбивали мотивы чечетки, тело окаменело от сырости и промозглого холода, слезы кончились. Меня не беспокоили мерзкие насекомые, копошащиеся в земле, не терзал задушевный вой волков. Я даже бояться перестала. Наступило тупое оцепенение. Психика не выдержала, и меня накрыл спасительный приступ. Краем ускользающего разума успела удивиться запоздалой реакции. Я просто мычала себе под нос мелодию колыбельной, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, находясь в своем мире, где не

было волков и страшной темной ямы. В том мире не было никого, кроме меня и белой луны.

Тогда впервые произошло обострение моей болезни. Первая психологическая ломка, которая затянулась на довольно долгое время. Несознательно, но я отмечала происходящее вокруг. Люди ошибаются, когда думают, что такие, как я, не видят реальности. Мы видим, мы замечаем, но мы не реагируем, потому что она не важна, есть наш мир, который реальнее того, другого, что перед глазами. И они меняются местами: теперь то, что было важно, потеряло свою приоритетность. Есть только мы и то место, куда мы прячемся. Вот и я из своего укрытия равнодушно наблюдала рассвет, а потом настал жаркий душливый день, который сменился прохладными сумерками, и наконец, очередная ночь. Но волки не уходили, они до странного спокойно сверлили меня взглядами. Это неправильно, но мне уже все равно, я успела спрятаться. И только звуки колыбельной окружали меня.

— Черт! — ворвался голос в мой мир. — Леха, кончай давить этих придурков! Игорь, прыгай к ней.

Рядом рухнуло нечто большое. Волки. Пахнет кровью и волками. Напали. Меня выбросило из моего тайного укрытия, и неподготовленное сознание окунулось в неконтролируемый ужас реальности. Опасность.

Как поведет себя любое загнанное в угол животное? Атакует. Человек тоже животное, а я так особенно. И я атаквала. Кусалась, дралась, царапалась, вырывалась, брыкалась. Чтобы удержать меня, потребовалось бы как минимум три санитаров с известной сноровкой.

— Черт, — простонал кто-то.

Меня ударили под дых, а потом я полетела вверх. От удивления сделала глубокий вдох, что секундой ранее казалось невозможным. Ощущение полета полностью переключило мои чувства. Мозг механически отметил, что лечу я благодаря мощному броску сильных рук. А потом мое тело поймали другие руки. Знакомый запах, знакомое тепло, именно в него я вцепилась, как коала в ветку, всеми конечностями. Обвила ногами талию, руками обхватила шею, голову же опустила на грудь, и плевать на весь остальной мир. Иррациональное чувство защищенности окутало меня, когда большая горячая

рука опустилась на мой затылок. Тело сотрясали рыдания, воя в голос, я размазывала сопли со слезами на чьей-то горячей коже.

— Шшш. — Большие руки с нежностью гладили растрепанные волосы.

— Хорт, у нее с крышей не все в порядке, она чуть не убила меня в той яме, — проворчал кто-то за моей спиной. — Чокнутая.

У меня словно красный занавес перед глазами опустили. Я не сумасшедшая, не сумасшедшая!

— Сам ты больной, — прошипела я, резко развернувшись в сильных руках, и ногтями полоснула говорящего по лицу. — Я не сумасшедшая.

— Дрянь, — прохрипел пострадавший от моего произвола, но почему-то вдруг заткнулся, побледнев лицом и испуганно глядя вверх моей головы.

Возвращаюсь в исходное положение. Новая истерика поглотила с головой, но теперь я видела лицо человека, в чьих объятиях оказалась. Александр. «Да хоть сам Сатана, лишь бы в его руках было так же тепло и безопасно», — подумала тогда я.

Последней моей ошибкой был именно тот момент. Я доверчиво прижалась к его горячей груди, так и не выпустив из своей мертвой хватки. Меня абсолютно не насторожил звук, вырвавшийся из его горла, так похожий на звериный рык. Мало ли у кого какие недостатки, я вон, например, с головой не дружу. Я же не знала, что этот псих все для себя решил именно тогда. В момент моей слабости.

— Ру, все хорошо. Маленькая моя. — И он поцеловал меня в мокрые от слез веки.

Я лишь поудобнее устроилась у него на руках, усиленно сопя в его шею. Хорошо, тепло, безопасно. Сейчас я не была готова расстаться с теплом и силой этого человека, доверчиво к нему прижимаясь, все крепче и крепче его обнимала. Меня как-то не заботило, что сорочка давно изодрана в клочья, что из одежды на мне лишь трусики, что на моем теле засохли куски грязи, что кровоподтеки и порезы с царапинами также благопристойности не добавляют.

Единственное, что раздражало, — это стойкий запах крови. Поддавшись любопытству, я все же высунула голову из

своего надежного убежища и попыталась рассмотреть окружающую среду. К несчастью, мне это удалось. Вокруг нас были разбросаны изломанные и окровавленные тела волков.

— Не смотри! — рыкнул Саша.

А я все же повернулась чуть в сторону. Там я увидела другого Сашиного товарища. Да, я помню. Давно, на речке, был Саша и два его наглых друга. Один сказал, что я сошла с ума. Второй сейчас идет к нам, рот и грудь у него в чем-то темном. Оно стекало по подбородку, капая на густую поросль на груди. От него пахнет кровью даже на расстоянии. А волки мертвы. У мужчин нет оружия, они вообще полуголые, на них только свободного покроя штаны. А волки мертвы. И парень этот в крови.

— Черт, что с ней?! — воскликнул кто-то.

А я улыбалась. Смеяться просто не было сил.

Очнулась я с жуткой головной болью. Помимо много-страдальной головушки болело все тело. Первое время даже глаза боялась открывать, но острый слух уловил голоса, а природное любопытство, проснувшись вдруг, решило поиграть в мазохиста.

Повернувшись на бок, упала с кровати, приземлиться умудрилась мягко и даже вскрикнуть от боли не успела. А боль была, скажу я вам. Вместе со мной рухнуло одеяло, внимательно его осмотрев, замерла в удивлении. Это же мое любимое лоскутное одеяло, то самое, что сшила для меня баба Клава на Новый год. Я дома. Огляделась. В комнате было довольное темно, но чуть поодаль сквозь шторы в спальню проникал электрический свет. На дрожащих от бессилия руках и ногах я подползла к косяку, стараясь не издавать звуков вовсе. Вставать на ноги не решилась, ибо болели они адски.

— Как она вообще оказалась в волчьей яме? — цедил сквозь зубы Александр. По его тону можно было понять, что он жутко недоволен и очень раздражен.

Да здравствуют деревенские дома, где вместо дверей шторы! Видимость хоть и страдает, зато все недостатки покрывает слышимость.

Александр сидел на табурете посреди кухни бабы Клавы. Сама хозяйка восседала у стола, волосы растрепаны, руки

нервно мнут платок на коленях, мне даже стыдно стало, заставила же я ее поволноваться. Кажется, и седины прибавилось.

— Она особенная девочка, — уклончиво отвечала баба Клава.

— Я задал достаточно простой вопрос. — Его тон похолодел на несколько градусов. Даже меня проняло.

Видя поникшие плечи хозяйки дома, я заволновалась. Между прочим, это медицинская тайна! И Клавдия Семеновна не имеет права ее разглашать как врач! Да, баба Клава в молодости своей была заведующей психиатрическим отделением одной закрытой больницы. Что-то у нее случилось в жизни, и она бросила карьеру, городскую квартиру и переселилась в деревню. Правда, с тех пор минуло много лет, но не просто же так меня дядя к ней на все лето сплавлял. И пусть ни Клавдия Семеновна, ни дядя моей персоне ничего не сообщали, это не помешало мне навести справки всеми доступными способами. Поводом стал очередной тест, подсунутый якобы как развлекательная игра. Как будто я в тестах ничего не смыслю, столько уже на них налюбовалась.

И тут я наблюдаю картину маслом — мой спаситель вернулся в свое прежнее хамское состояние и напирает на мою бабу Клаву! А та под давлением чужого мужика начала сдавать позиции. Самое печальное заключалось в том, что позиции были как раз мои. Промолчать мне не позволила гордость. Она же заставила меня встать на израненные ноги.

— Я страдаю лунатизмом, — шатаюсь и дрожа от усилия, все же сделала шаг. И еще один, а потом меня схватили сильные руки и усадили на колени.

Быстро. Я даже опомниться не успела.

— Кто разрешал тебе вставать? — сердито спрашивает он, но удивленным не выглядит.

— Кто разрешал тебе меня трогать? — не менее сердито вопрошаю я.

Отбиваться не стала, ибо сил не было вообще.

— Как себя чувствуешь? — И его взор внимательно прошелся по моему телу.

Я таки тоже решила себя осмотреть. Ой, да я голая, из одежды на брэнном тельце только любимое одеяло, которое предательски оголило правую грудь.